

«У машины меня вдруг обнял человек высокого роста — я и не понял сразу,

Солдат из солженицынской батареи во многом повторил судьбу своего командира — фронт, лагерь, государственная несправедливость и даже испытание эмиграцией. Наверное, жизнь Ильи Соломина сложилась бы более благополучно, полади он в войну служить в другую часть, но свою встречу с Солженицыным этот человек не считает роковой.

Сергей НЕХАМИН

Александр Исаевич Солженицын известен всем. Илья Соломин, человек незапамятный и скромный, всегда был в тени. Как человек из солженицынской биографии, он мельком вспоминался в книгах времен борьбы с «литературным врасовцем»; иногда даже лихой сержант противопоставлялся сомнительному капитану (Т. Ржезач); сам Соломин специальным письмом это противопоставление отверг. Недавно написал о нем и Солженицын. Во второй части «Двухсот лет вместе» (спор о которой за рамками этого материала) о Соломине сказано: «воевал отлично всю войну насквозь». Известно, что на фронте это был самый близкий Солженицыну человек, который выполнял не только боевые приказы, но и порой непростые личные просьбы (в частности, привез из тыла к командиру повидаться первую жену писателя Наталью Решетовскую).

Илья Матвеевич Соломин живет сегодня в Бостоне, ему 82 года. Ясный ум, размеренная, чуть книжная речь и невероятная память: фамилии, даты, номера частей и зон, жизненные подробности так и сыпались в разговоре. Отвечая на вопросы, каждый раз уточнял — чему был очевидцем сам, а что предполагает или слышал от других. И еще. Обратите внимание — говоря о том, что пришлось пройти в жизни, Соломин никого не обвиняет. Даже тех, кого, казалось бы, имеет все основания ненавидеть. Люди, знающие его давно, объяснили — такой характер. Их свидетельства дополняют этот рассказ.

Итак, начало 1943 года. Призванный еще до войны, воюющий с 41-го, раненный под Ленинградом, сержант Илья Соломин после госпиталя снова на фронте, под Курском. Зенитный дальнометрист по первой воинской специальности, он направлен в 796-й отдельный артиллерийский разведывательный дивизион. Там его определяют во вторую звукобатарею, командует которой — высокий, худощавый, очень серьезный офицер по фамилии Солженицын.

«Я понял, что он критически настроен...»

— В звукобатарею погиб чертежник, и меня направили на его место. Но я не чертежником стал, а дешифровщиком. Это считалось самой сложной профессией, я ее быстро освоил, тут Александр Исаевич и обратил на меня внимание.

— Каким Солженицын тогда был?

— Он выделялся из офицерской среды вдумчивостью и ответственным подходом к делу. Критически относился к нашей звуко-разведке, переживал, что ее техника далеко отстает от немецкой. Это действительно тогда был очень несовершенный род войск. Координаты, которые мы давали, иногда совпадали, иногда нет, многое зависело от метеорологии, других вещей, и Солженицын всегда важно было знать, насколько точно мы работаем. Когда продвигались вперед, постоянно проверял по координатам точки, которые мы ранее указывали, — есть ли пораженные цели? Просто для себя. Помню, мы с ним ходили в штаб соседней пушечной бригады, которой командовал Герой Советского Союза полковник Ткаченко. Солженицын договаривался, что будет давать наши данные и им — по собственной инициативе. Я потом сам относил в штаб Ткаченко бумаги.

— В одной книге про вас пишут, что вы были ординарцем Солженицына, в другой — что старшиной батареи. Еще говорят, что на фронте вы стали самым близким к Солженицыну человеком...

— Ординарцем я не был, характер неподходящий. Ординарцем у Солженицына был Захаров, из Ташкента. Он Исаичу и лейтенанту Овсянникову готовил. Старшиной батареи был Корнев. А я — сержантом, командиром дешифровочного отделения. Но фактически — так сложилось — командовал взводом. Насчет «самого близкого человека»... Как вам сказать... Мы честно дружили, вели открытые разговоры...

— О чем?

— Все жизненные темы. Началось с того, что однажды заговорили о потерях. Не то чтобы командир конкретно называл имена виноватых, но я понял, что он к Сталину относится критически. Потом еще был разговор — про плененных... Александр Исаевич сказал, что плен не предательство, а трагедия. Так постепенно и сблизились. Мы часто разговаривали.

— Разница в званиях чувствовалась?

— Конечно. Он старший лейтенант, потом капитан, а я сержант. Но тут даже не в званиях дело. По сравнению со мной Александр Исаевич был очень образованный. Я не мог с ним на одном уровне вести беседу, например, о литературе. А он чрезвычайно серьезно к ней относился. Помню, собрал однажды личный состав батареи и прочитал лекцию о роли Тургенева и Чехова в русской литературе.

— На фронте?

— На фронте. Блестяще прочитал, доходчиво для солдат. Я лично слушал с большим интересом.

— А другие бойцы?

— Трудно сказать. Вы же учтите, что личный состав — это были в основном крестьяне. Ожидать, что они сильно поняли, про что он там рассказывал... По-моему, эта лекция больше для него самого была важна. Самоутверждался — так мне кажется.

— Солженицын сейчас разговаривает на таком особом русском языке. Он и тогда так говорил?

— Нет. Нормально говорил, причем очень грамотно. Вы же еще учтите — среда была не та, положение не то. А как он сейчас говорит, мне не нравится. Я, правда, не большой специалист, но не понимаю — зачем?

— Он тогда писал?

— Писал. Мне давал читать. Это были описания его жизни, что-то о первых днях войны. Ничего политического. Я вам так скажу: они из него сами антисоветчика сделали.

Батарея капитана Солженицына

— Вспомните бойцов вашей батареи. Кто это был?

— Всего личного состава насчитывалось порядка 45–50 человек. Дивизион формировался под Саранском, поэтому многие оказались из Мордовии. Если конкретных людей называть... Митя Метлин — очень толковый парень, правда, Александр Исаевич его почему-то недолюбливал. Кончица помню — из штрафников. Он под Киевом попал в окружение, потом — штрафная рота, ранение. Как говорится, кровью испустил вину и оказался у нас в батарее. Тоже толковый... Очень хороший парень командовал линейным взводом, старший лейтенант Овсянников, который потом заменил Александра Исаевича. Лейтенант Ботнев был командиром моего вычислительного взвода. Но я уже говорил — так сложилось, что обязанности комвзвода часто исполнял я. Был еще один дешифровщик, сержант Липский. Командиры звукопостов — Волков, Пташинский... Емельянов, помкомвзвода... Это я помню.

— У Солженицына с солдатами какие были отношения?

— Я бы не сказал, что он плохо к солдатам относился. Просто Александр Исаевич себя держал так... на отдалении от всех. По-моему, только со мной у него были душевные отношения.

— Чем ваша батарея занималась?

— По звуку пушечного выстрела засекала огневую позицию противника. Обслуживали тяжелую артиллерию, которая вела контрбатарейную борьбу.

— Это ближний тыл или фронт?

— Как считать. Батарея располагалась в несколько слоев. Кто-то на самой передовой, другие дальше. Звукопосты располагались где-то в километре, центральная станция — глубже. В боях батарея участия не принимала, у нас была другая задача. На войну — это война. Нас с Метлиным и Кончицей Александр Исаевич раз послал уточнить линию фронта, и мы наскочили на группу немецких... не знаю, кто они, эсэсовцы или просто... только вооружены оказались очень хорошо. Меня в перестрелке ранило, это было второе мое ранение. Но кость не задела.

— Солженицыну выпадало в боях участвовать?

— Я же сказал — у нас были другие задачи. Я не помню, чтобы он непосредственно в боях участвовал, в боях пехоты участвовал. А мы — только когда обстоятельства складывались. В окружении, например.

Моменты истины

— Про это окружение Солженицын пишет — то ли немцы нас окружили, то ли мы их. Как было дело?

— В январе 45-го наш Второй Белорусский фронт сделал стремительный марш-бросок и у

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич (р. 1918 г., Кисловодск) — русский писатель, лауреат Нобелевской премии (1970 г.). Вырос в Ростове-на-Дону. Окончил физико-математический факультет Ростовского университета (1941 г.). Участник Великой Отечественной войны, награжден орденами Отечественной войны (1943), Красной Звезды (1944). В феврале 1945-го был арестован и приговорен к 8 годам лагерей.

Литературная слава пришла к А. Солженицыну после публикации в 1962 году повести «Один день Ивана Денисовича». Далее последовали рассказы «Матренин двор» (1963), романы «В круге первом», «Раковый корпус» (1968; опубликованы за рубежом), «Архипелаг ГУЛАГ» (1973; в СССР распространялся нелегально) — «опыт художественного исследования государственной системы уничтожения людей в СССР, десятилетняя эпопея «Красное колесо» (1971–1991). В 1969-м исключен из Союза писателей СССР. В 1974-м арестован, обвинен в «измене родине», лишен советского гражданства и без суда вывезен из страны. В 1989-м началась широкая публикация произведений А. Солженицына в СССР. В 1994-м писатель с семьей вернулся в Россию.

РЕШЕТОВСКАЯ Наталья Алексеевна — первая жена Солженицына. По образованию — химик. Член Союза писателей России, автор шести книг.

ТАНИЧ Михаил Исаевич (1923 г., Таганрог) — известный поэт-песенник, заслуженный деятель искусств России, Участник Великой Отечественной войны, командир противотанкового орудия. Награжден орденами Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, орденом Почета, медалями. После войны жил в Ростове-на-Дону, поступил в инженерно-строительный институт, но окончить его не успел — в 1947 году был арестован. Руководитель популярной группы «Лесоповал».

ТУРКИНА Вероника Валентиновна — двоюродная сестра Натальи Решетовской, участница диссидентского движения.

Илья Соломин. 2003 г. Бостон, США

Сержант Соломин

1944 г. Центральная станция звукобатареи. Второй слева — Илья Соломин, третий слева — Александр Солженицын

1944 г. Наталья Решетовская приехала к мужу на фронт

Балтийского моря в Восточной Пруссии отрезал крупную немецкую группировку. Очень крупную. Эсэсовцы там оказались, бронетанковые части... Они перегруппировались и начали пробиваться. А цельная линия фронта еще

не успела сложиться, в результате звукобатарея попала в клещи. Александр Исаевич связывался со штабом, просил разрешения отступить. Ответили — стоять на смерти. Тогда он принял решение: пока есть возможность — вывезти батарею аппаратуру (это поручил мне), а самому остаться с людьми. Дал мне несколько человек, мы все оборудование погрузили в грузовик... Прорывались среди глубоких, по пояс, снегов, помню, как лопатами разгребали проходы, как машину толкали... Добрались до деревни Гроссгерманавт, там был штаб дивизиона и командир — полковник Пшеченко Петр Федорович, очень хороший человек. Я ему доложил: дескать, по приказанию капитана Солженицына вывез технику БЗР-2 (так мы назывались — «батарея звуковой разведки-2»). Пшеченко приказал строить в колонну... Добрались мы до штаба корпуса. И там у машины меня вдруг обнял человек высокого роста — я и не понял сразу, что это Александр Исаевич: «Ильюша, я тебе по гроб жизни благодарен!»

— А он где был в это время?

— С личным составом. Мы растались, когда они занимали круговую оборону. Но потом пришел приказ из штаба дивизиона — выходите из окружения. Как выпутались — не знаю, сам с ними не был. Но Солженицын ни

одного человека не потерял, всех вывел. Так что, чего там про него писали — глупости. Батарею Солженицын не бросил, в тяжелой обстановке действовал абсолютно правильно, спас и технику, и людей.

— Солженицыну еще помнят приезд жены на фронт в мае 44-го. Это ведь вы ее привозили?

— Я. Но, учтите, Солженицын не единственный такой был. Был момент, когда это вдруг стало модой — жен вызывать на фронт. Накануне наш командир Пшеченко свою вызвал. Наверное, тогда Исаич и загорелся. Вы же помните: война, мужчины четыре года женщин не видят... Что — честнее ППЖ заводить?

Из воспоминаний Натальи Решетовской, первой жены Александра Солженицына:

«Однажды ночью, часа в три, меня разбудил мамин голос: «Наташа, сержант приехал!» Выскочила, набросила халат поверх ночной сорочки, вошла в нашу первую большую комнату. На пороге — молодой военный, в шинели, зimmer шапке, с рюкзаком за спиной... Илья Соломин привез мне гимнастерку, широкий кожаный пояс, погон и звездочку, которую я прикрепила к темному-серому берету. Дата выдачи красноармейской книжки свидетельствовала, что я уже некоторое время служила в части. Было да-

же отпусное удостоверение. Но я не боялась — фронтовому офицеру ничего не сделаю за такой маленький обман.

В тот же день вечером мы с Соломиным уехали из Ростова... Родители его — евреи — жили до войны в Минске. Соломин почти не надеялся, что они живы. Может быть, поэтому, даже когда он улыбался, его черные, немногие выпуклые глаза на серьезном, чаще всего хмуром лице оставались грустными».

— Почему Солженицын попросил съездить именно меня? Дело не только в дружбе. Народ в батарее был молодой, многим даже меньше двадцати. А я служил с 39-го, выделялся бывалостью. Ехали нелегко, три раза нас задерживали в поездах, но... Наташа у нас была короткое время, обратило внимание уже не я, а старшина батареи Корнев.

— Какой вам Решетовская запомнилась?

— Интересная женщина. И внешне, и по содержанию. Очень образованная — она же химфак окончила, диссертацию защищала. Пянистка, как потом узнал, блестящая. Мы с ней тоже подружились.

— Арест Солженицына вы поминили?

— Да, конечно. Только название деревушки вылетело, где все произошло. Я как раз зашел к Александру Исаевичу. У нас уже

были очень дружеские отношения, в свободную минуту я заглядывал к нему на квартиру. Тут два незнакомых офицера входят: «Капитан Солженицын? Вы нам нужны». Он к ним подошел, дальше какой-то короткий тихий разговор и потом: «Проедем на КП бригады». Выходят. Я следом. Во дворе «эмка». Садятся, уезжают.

Не знаю, что меня толкнуло, но я почему-то сразу понял: это — «СМЕРШ» и дело политическое. Побежал к батареейной грузовой машине — знал, что там, в кузове, лежит черный сундучный ящик, в котором Солженицын держал свои записи и книги. Ящик схватил, отнес в лес и содержимое стал быстро перекладывать в свой вещмешок. Вещмешок был со мной все время, после войны я все, что тогда спрятал, отдал Наташе.

— А что там было?

— Рукописи, книги... Письма... Переписка с друзьями, с Наташей, с какой-то студенческой знакомой, с Лавреневым — Александр Исаевич ему рассказы свои посылал...

Вероника Туркина, двоюродная сестра Натальи Решетовской:

«Ильюша тогда, по сути, спас Исаича. Он успел спрятать (или частично уничтожить) личные записи, книги — в том числе и трофейные, которые Исаич из любопытства подбирал. Если бы это

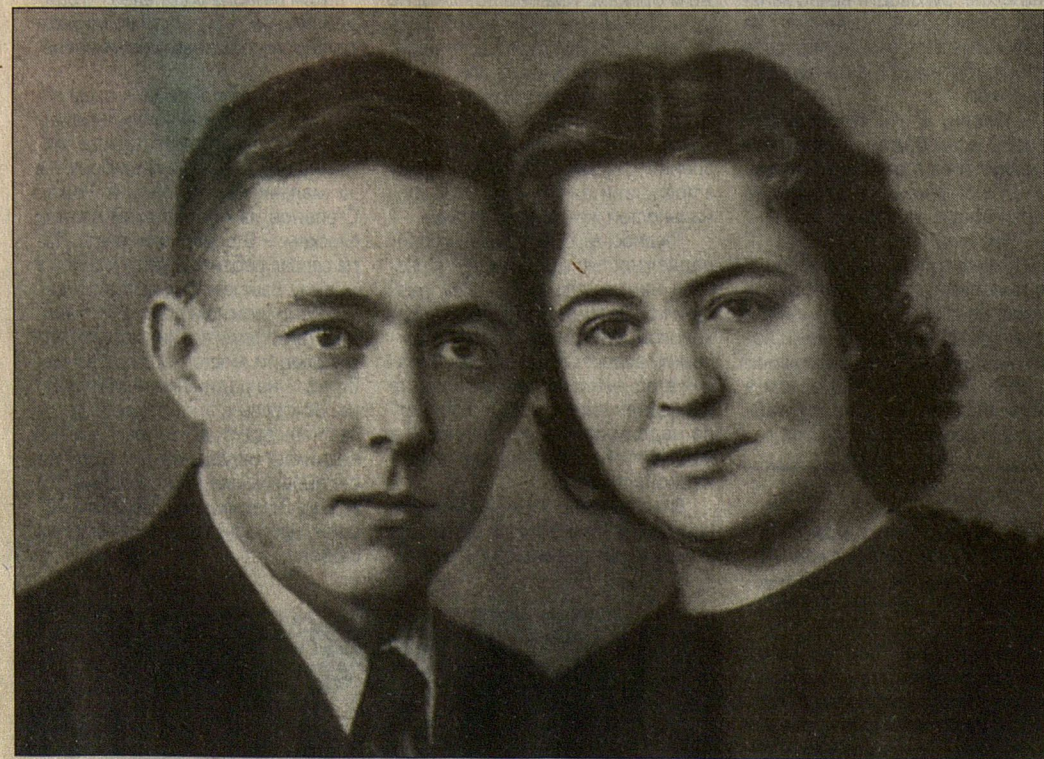
попало в руки следователям — еще вопрос, как бы все повернулось... Я потом видела бумаги, которые Соломин привез. Помню дореволюционное издание «Войны и мира» и на полях комментарии мелким-мелким исаичевым почерком...

— Солженицын свой арест в «Архипелаге» описывает иначе. Говорит, что взяли его у командира бригады Травкина...

— А «эмка» к Травкину и поехала. Там официальный арест состоялся. Сам Захар Георгиевич Травкин к Солженицыну с симпатией относился, особенно после истории с окружением. Вообще специально подчеркиваю: и в батарее, и в дивизионе Александру Исаевичу очень сочувствовали. После его ареста в батарее приехал из политотдела Семенов, собрание проводил: дескать, органы разоблачили врага народа. Слушали молча. Но все ведь знали, что мы с Исаичем дружили! И потом с глазу на глаз мне многие говорили — зря хорошего человека губили. И офицеры, когда я в штабе появлялся, — то же самое...

— Вам тогда было известно, за что его арестовали?

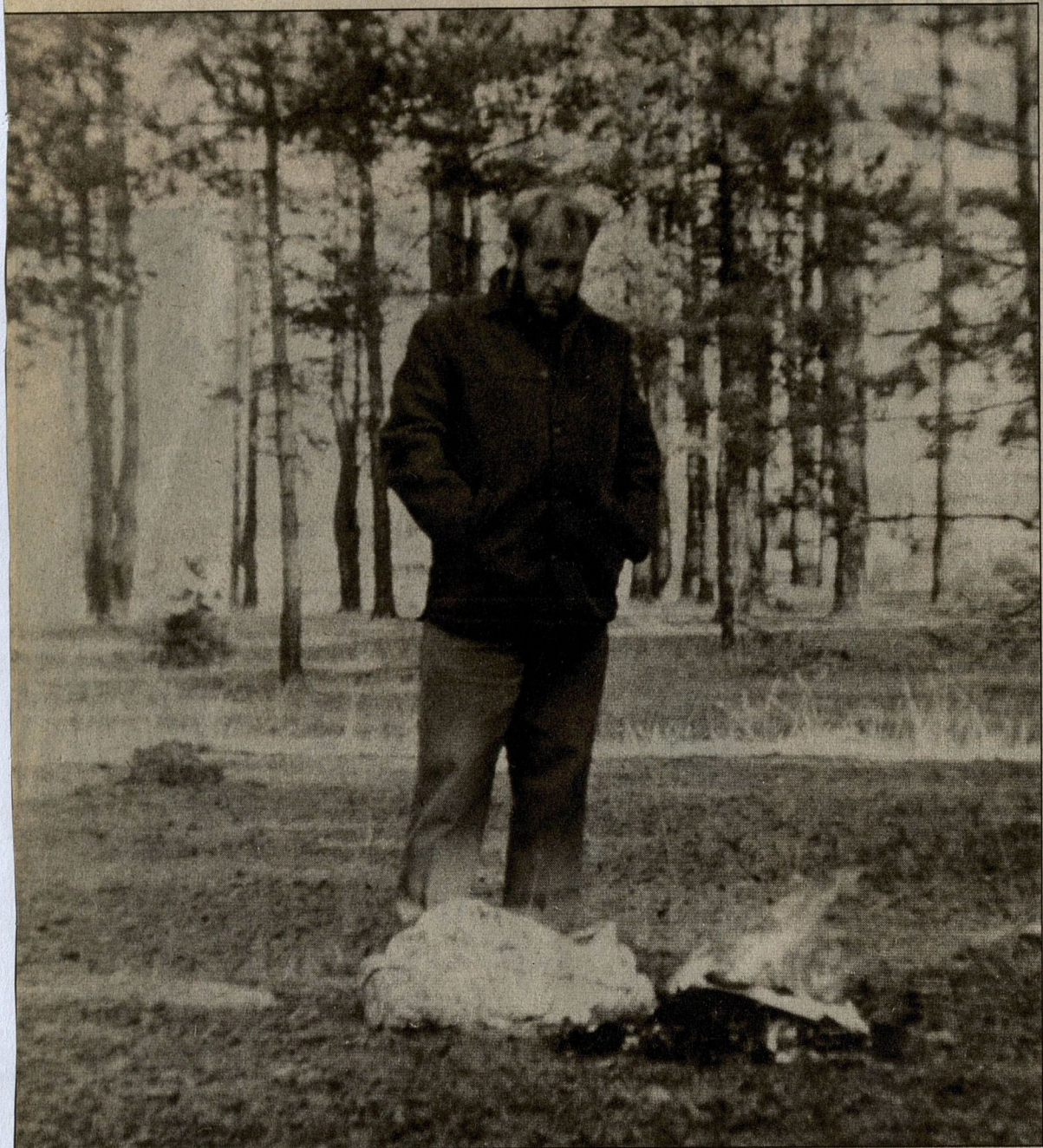
— Ходил слух, что за переписку с другом. Я этого друга, Виткевича, видел, он где-то начлимом полка служил и к Исаичу однажды приезжал.

1940 г. Александр Солженицын и Наталья Решетовская. Молодожены

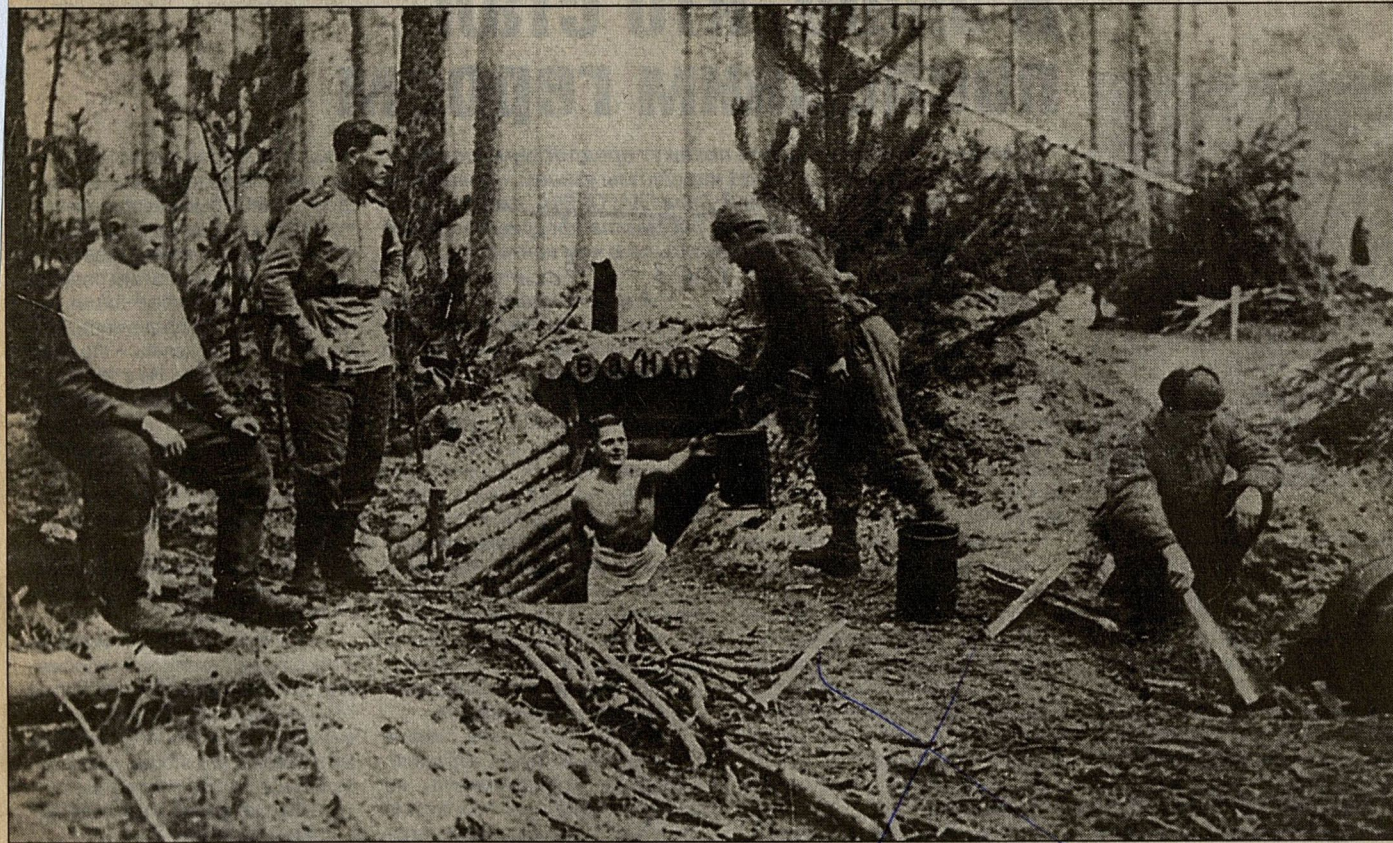
ЧЕЛОВЕК

что это Александр Исаевич: «Ильюша, я тебе по гроб жизни благодарен!»

тока борьбы с автором «Архипелага». Солженицын сжигает черновики

и капитан Солженицын

1945 г. Батарея капитана Солженицына. Фронтная баня

Добавлю про однополчан. Через год вообще вышла одна ситуация... Я бумаги Исаича повез в Москву — Наташа тогда там в аспирантуре училась и жила у Вероники Туркиной. Прихожу — а у Туркиных сидит лейтенант Мельников, командир топографического взвода, и рассказывает, как дело было. Он, оказывается, тоже почитал своим долгом навестить. И тут я вхожу... Мы растерялись оба — каждый ведь сам по себе шел, каждый старался, чтобы без лишних глаз и ушей.

Между тезками по отчеству

Те, кто верит во «власть имени», уверяют — тезки по отчеству в схожих ситуациях и ведут себя похоже. Интересно, определяет ли отчество схожесть самой ситуации?

Между Александром Исаевичем Солженицыным и Михаилом Исаевичем Таничем оказался Илья Соломин на следующем жизненном этапе. Это случайное обстоятельство определило и судьбу Соломина, и судьбу Танича, и другие судьбы.

Михаил Танич:
— Илья Соломина я помню очень хорошо. После войны мы вместе учились в Ростовском инженерно-строительном институте — я на архитектурном факультете, он на ПГС. Невысокий, коренастый, с запыленными, глаза чуть на-

выкате, Илья ходил в стоптанных кирзачах, в военной форме без погон — у него другой одежды не было. Кажется, носил на гимнастерке орден Красной Звезды. Подрабатывал в институте электриком. Был умным — этаким философом, всегда смотрел в корень любого явления. Мы иногда выпивали вместе — Илья это умеет. Он был под большим влиянием личности своего командира батареи (которого тогда никто не знал), считал «Саню» особым человеком и за бутылкой часто вспоминал. Жил он тогда на квартире у Решетовской...

— Вы в Ростов поехали, потому что Солженицыны были ростовчане?

— Да. Предыстория такая. Я из Минска родом, и когда наши Минск взяли, естественно, рвался узнать, что с семьей. Но батарея проходила не через Минск, а километрах в двадцати от него. Солженицын попросил Пшеченко меня отпустить, тот не разрешил сначала, но через час вдруг подлетает его «виллис» и Пшеченко кричит: «Соломин! Быстро! Поехали, поможешь своих!» Приезжаем ко мне на Революционную — дом разбит. Мотались по городу, искали знакомых, наконец нашли нашу дворничиху, Лященко. Она и рассказала, что и отца моего, и мать, и сестричку... Про брата я еще раньше знал: попал в окружение, значит — плен, а еврей у немцев в плену — сами понимаете... В

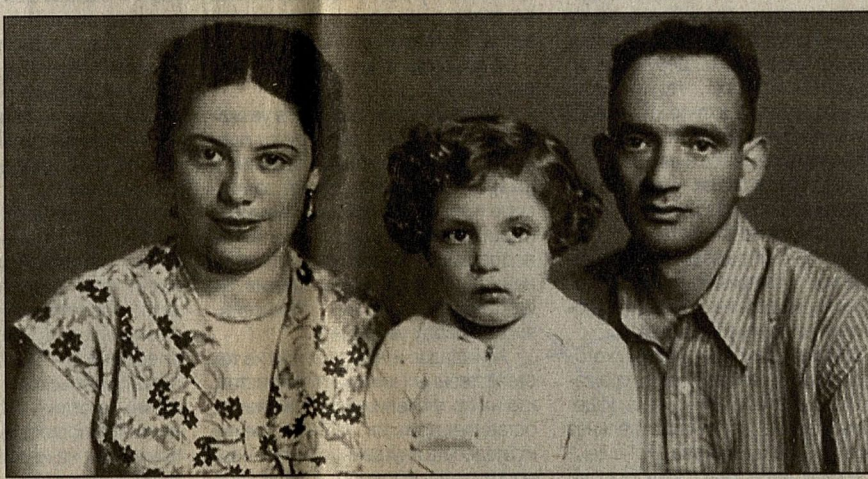
общем, там, у дворничихи, я понял: на свете остался один. В каком состоянии вернулся в батарею — объяснять не надо. Исаич меня обнял, что-то говорил, потом сказал, кончится война — поедешь со мной в Ростов. А еще через какое-то время я получил очень хорошее письмо от Наташи Решетовской. Наташа писала, что скорбит вместе со мной, но надо жить, и тоже — если пожелаю, то после войны могу не возвращаться в Минск, а ехать к ним. Квартира большая, четырехкомнатная, места хватит. Я и поехал — какая теплота разлилась!

Для меня было очень важно поступить в институт. Родители были патриархальные такие евреи, малограмотные, и отец мечтал, что я выучусь. Поступить — это был долг перед его памятью. Но я же с 39-го в погоне! Все забыл! Выбрал вуз, где поменьше экзаменов, — строительный, там сдавали физику, математику и сочинение. Сочинения больше всего боялся. Писал по Толстому: «Патриотизм русского народа в романе «Война и мир». За экзамены отвечал такой Ш., он на собеседовании сказал, что сейчас уже другая трактовка темы, поэтому — тройка, но поскольку я другие экзамены сдал на пять, то прохожу. И долго со мной очень ласково беседовал. Вообще начал меня примечать, улыбался, приглашал в кабинет поболтать. Я, лопух, расчувствовался, пару раз

откровенно поговорил. Знать бы тогда, что он стукач!
— Как вы это выяснили?
— После ареста. Вообще-то несчастный человек этот Ш. Сын у него лежал парализованный, поэтому не эвакуировался. Немцы его назначили директором техникума, отказаться побоялся, да и сын... Наши пришли: «Ага! Пособничай врагу!» И ставят перед выбором: или начинаешь работать на органы, или... Не могу не отметить, он показаний дал по минимуму, в отличие от второго стукача, Д.
— Как вас арестовали?
— Я жил уже не у Решетовской — снял угол поближе к институту. В ночь с 30 апреля на 1 мая 1947 года стук в дверь — громкий такой, бесцеремонный. Открываю — врываются трое: «Соломин? Собирайся! Оружие есть?» Я от их наглости тоже взвесься: «Ордер сначала покажите!» — «Ордер? Вот ордер!» — и суют мне ордер на Мишкино имя, Танича, в смысле. Мишка тогда, естественно, никаким значащим поэтом не был, просто — хороший парень, шутливый, красивый, остроумный... Учился на соседнем курсе, стенгазету с друзьями делал — весь институт покатывался. Мы с ним иногда брали бутылку, трепались — судьба похожая, оба фронтовики, оба студенты... «Это не я!» Они глянули — действительно. «Дело поправимое. Вот ваш.» И суят мне другой ордер. А он на имя Буцева Николая, который третьим

Михаил Танич попросил передать «подельнику» Илье Соломину свой телефон

Начало 1960-х. Жизнь налаживается. Первое семейное фото Ильи Соломина

1942 г. Александр Солженицын и командир дивизиона Петр Пшеченко

по делу пошел. «Тоже не я!» Наконец нашли нужных...

Михаил Танич:
— Илья лучше нас всех разбирался в жизни. Он очень быстро понял, что нет смысла воевать с органами на допросах, что если

взяли, то дело свое доведут до конца, — и начал признавать все. Я тогда очень обижался, у меня привычка другая — с этими людьми не говорить лишнего...
— Когда мне следователь сказал, что я обвиняюсь в создании

антисоветской партии, стало ясно: что-то доказывать бессмысленно. Александра Исаевича вспомнил: такой человек, талантливый математик, много пользы мог стране принести — и все равно посадили! Стал соображать, как быть. Их промашка с ордерами мне очень помогла. Всего ордеров было три, я видел. Значит, и по делу идут трое — я, Мишка и Буцев. Но я дружил с Мишкой и не дружил с Буцевым, мы втроем не собирались. Значит, сдал кто-то четвертый, который знал каждого из нас, со всеми пил. Этот человек легко вычислялся — Д., капитан медслужбы, сын известного ростовского врача.

Мне на допросе предъявляли подробнейшие конспекты наших разговоров, которые Д. составлял после каждой пьянки. Отпираться было бессмысленно, тем более что нас начали лишать сна — а сколько человек без сна продержится? Я решил бить на другое. Посадят всех, это я понимал. Вопрос — сколько дадут? Нам шили статью 58-11 — контрреволюционная организация, плохая статья, крупный срок. Но организация по тогдашним правилам — это когда три человека. Один, два — не организация. Значит, если признать сам факт разговоров и при этом взять все на себя (я ведь не знал, как ведут себя на допросах другие), то получится не организация, а разговоры одного человека — просто антисоветская пропаганда, статья 58-10, часть первая, шесть лет. И я начал признавать: да, говорили, но у вас напутано — вот эту фразу, в которой нас обвиняют, сказал не Михаил, а я... И это я сказал, и это... Получалось, что я не отказывался, но и не показывал ни на кого. По ходу допросов стало ясно — а вот и слова, которые я только Ш. говорил. То есть меня пасли сразу два стукача: в институте — Ш., в свободное время — Д. Тут мне чекистская затея окончательно стала ясна.

— Что вы имеете в виду?

— Это, конечно, моя личная версия, но она кое-что объясняет. На Солженицына по большому счету ничего не было, кроме тех злосчастных писем. С другой стороны — я дружил с ним, жил на квартире у Решетовской. Попал в поле зрения. Видимо, возникла идея слепить контрреволюционную организацию как логическое продолжение солженицынского дела. Потому и закрепили за мной сразу двух стукачей. Но потом или идея отпала, или организация не лепилась — отказались. Дали нам 58-10, агитацию.

Михаил Танич:
— Судили нас не тройка, обыкновенный суд. Обвинение в контрреволюционной организации отпало, органы сами его сняли. Получили мы все по шесть лет. В приговоре говорилось: «На суде пытались безмотивно отказаться от данных ранее показаний, но материалами предварительного следствия в достаточной мере изобличены». «Изобличены» мы были в том, что, например, хвалили немецкие дороги и приемник «Телефункен».

Как я к Илье отношусь? С одной стороны — объективно это он привел в мой дом людей, из-за которых я оказался в лагерях. С другой — понятно, что Илья не знал, кто эти люди, и зла не хотел. Мы с ним остались друзьями, несколько раз встречались после отсидки, переписывались. Можете дать ему мой телефон, когда свяжетесь, пусть позвонит.

«Я на Костоглотов не похож»

Вероника Туркина:
— Вообще-то история ареста Ильи — это история ареста Костоглотов из «Ракового корпуса». Я не говорю, что Илья прямой прообраз Костоглотов: характер, история его болезни — тут сам Солженицын. Но обстоятельство ареста — соломинские.

Александр Солженицын.

«Раковый корпус»:
«...Моего следователя не удовлетворило слово «группа». Он любил называть нас — шайка. Да, нас была шайка — шайка студентов и студенток первого курса. Мы собирались, ухаживали за девочками, а мальчики еще разговарива-

ли о политике. И о... С а м о м. Нас, понимаете ли, кое-что не устраивало. Мы, так сказать, не были в восторге. Двое из нас воевали и как-то ожидали после войны кое-чего другого. В мае перед экзаменами всех нас загребли».

— Про Костоглотову я вам вот что скажу. Где-то в конце шестидесятых у меня на заводе была командировка в Рязань. Естественно, зашел к Солженицыным. Они с Натшей оказались на даче, но Наташина мать дала адрес, поехал туда — где-то под Обнинском. Общались, общались — и вдруг еще какие-то гости сваливаются. Кто, что — не знаю, но, похоже, приехали мириться люди, на которых Исаич был за что-то зоп. Потому что мы с Натшей в теньке на лавочке разговаривали, а Исаич с гостями, и вдруг он резко так: «Не буду я от вас подарков брать! И это забирайте!» И бутылки со стола смахнул (гости как раз ставить начали). Од-на только устояла. Исаич говорит: «Мы ее с Ильюшкой выпьем». Налили. А гости не ушли, рядом сидят. И одна женщина (я из разговора понял, что, вроде, тоже из бывших заключенных) заговорила про «Раковый корпус». А Солженицын на меня показывает и говорит: «Вот он — Костоглотов! Видите? Вот!» Хотя я лично считаю, что на Костоглотову совсем не похож.

Зековский взгляд

Вероника Туркина:
— Я помню, как Илья пришел к нам после лагерей — потерял одежду, какой-то выцветший картузик. И взгляд... Вы не знаете, что это такое — тяжелый, усталый, зековский взгляд. Илья сидел на Колыме. А я вспоминала, каким увидел его впервые: юный, коротко стриженный, большеглазый солдатик...

Про соломинскую тюремно-лагерную эпопею — отдельный разговор. Но он хлебнул и потом, ибо получил тот самый «101 километр», про который поет сегодня группа «Лесоповал» соломинского одноклассника Михаила Танича. На работу не брали нигде. Пробовал устроиться на строительстве крупных электростанций, там на нехорошее прошлое смотрели сквозь пальцы, потому Соломин метался по стране, но не брали все равно. Кончилось тем, что в приемной начальника Куйбышевгидростроя Соломин потребовал: сажайте снова! Чем так мучиться — лучше за колючкой. Начальник смилостивился, распорядился трудоустроить.

Соломин работал электриком, электрослесарем, бригадиром, заочно поступил в вуз. Женился, переехал в Одессу, пошел сварщиком на завод. Стал инженером. Дорос до главного энергетика объединения.

— Когда Александра Исаевича громили, меня вызвали в КГБ: «Контакты с Солженицыным мы вам рекомендуем прекратить». Я говорю: «Нет». «Почему?» — «А он мой фронтовой друг!» Отпустили. Отыгрались потом. Я после этой истории окончательно решил из СССР уехать, подал заявление в ОВИР. А меня не выпустили. Дес-ять лет в отказе держали.
— Чем занимались?
— Снова электриком пошел.

Лишенный после ареста в 1947 году фронтовых наград (орденов Красной Звезды, Отечественной войны II степени и нескольких медалей) Илья Соломин так и не сумел их восстановить. При Хрущеве, говорит, было недосуг, а когда попытался потом, на военкоматовский запрос пришел ответ: гражданин Соломин был осужден за антисоветскую деятельность, следовательно, все справедливо. Махнул рукой. Так без своих орденов в США и уехал.

Вероника Туркина:
«Какой Илья сегодня? Классический одесский пенсионер, только живущий в Бостоне. Их там целая компания. В домино играют, на лавочках в сквере беседуют... Он по-прежнему хороший, добрый и очень верный человек».

Фото из личных архивов Натальи РЕШЕТОВСКОЙ и Ильи СОЛОМИНА

Конец 1960-х. Илья Соломин и Александр Солженицын